

Гайдар Е.Т.

Падение цены на нефть приведет к изменению бюджетной политики в России.

Надо было быть готовым к возможностям такого развития финансового рынка, потому что на протяжении последних 200 лет рецессии происходят не первый и не второй и не десятый раз. Поэтому к нему надо быть действительно подготовленными.

К счастью российская экономика на этот раз была прилично подготовлена к замедлению мирового экономического роста и трудностям в финансовой сфере. Мы извлекли некоторые уроки из краха советской экономики 1991 года и из кризиса 1998 года, создали достаточно эффективные инструменты, обеспечивающие стабильность денежной и финансовой системы. Это крупные золотовалютные резервы и стабилизационный фонд, который недавно был преобразован в резервный фонд и фонд национального благосостояния.

Крупных золотовалютных резервов у нас ни в середине 1980-х годов, ни в 1997 году, когда начался кризис в Юго-Восточной Азии, не было. Российские власти в последние годы бесконечное количество раз упрекали в том, что они имеют столь большие резервы. И не только политические проходимцы, которые всегда готовы заработать политическую популярность на идее, как надо разбазарить стабилизационный фонд. Со мной эту тему неоднократно обсуждали вполне квалифицированные специалисты из МВФ и Всемирного банка. Развитие событий в последнее время показывает, насколько были правы российские денежные власти, которые во время благоприятной конъюнктуры мировых цен на нефть создали резервы, которые сегодня позволяют нам управлять кризисом.

Пока Минфин и ЦБ достаточно адекватно реагирует на остроту кризиса. Другой вопрос, что многие проблемы, которые возникают сегодня, были заложены экономической политикой, которая проводилась на протяжении последних лет. Там была странная комбинация ответственной бюджетной политики, политики, направленной на сокращение долговых обязательств, и крайне либеральной позиции государства по отношению к заимствованиям государственных компаний, которые рынок рассматривал как государственные долги.

Сегодня мы расхлебываем последствия такой странноватой политики. Но ключевые решения по этому поводу были приняты не сейчас, а год-два-три назад, когда, например, Газпром бурно наращивал краткосрочные заимствования.

У меня есть разногласия по деталям, по тому, как и что делается, по эффективности тех действий, которые предприняты, по их достаточности. Но в целом я считаю, что Центральный Банк и Минфин проводят разумную политику.

В условиях замедления экономического роста обычно отмечается отток капитала с рынков, которые не обладают мировыми резервными валютами. Рубль пока не является мировой резервной валютой, в отличие от доллара или евро, или даже мировых валют второго класса, таких как, фунт, йена, швейцарский франк. Поэтому в условиях замедления экономического роста мы совершенно неизбежно получаем радикальные изменения в балансе капитала в России. Но пока мы с этим вполне справляемся.

Российской экономике предельно высокие цены на нефть крайне вредны. Они подстегивают расходные обязательства, с которыми российским денежным и кредитным властям довольно трудно бороться, они подстегивают рост номинального и реального курса рубля. Поэтому падение цен на нефть потребует некой адаптации, но стратегически это будет крайне полезно.

Могу сказать, что если цена на нефть будет меньше \$60 за баррель, то это радикально изменит условия проведения бюджетной политики в России. Придется проводить более консервативную бюджетную политику.

Для России в целом стратегически это будет полезно, позволит избежать избыточного укрепления рубля, ускорить процесс диверсификации экономики, увеличить долю обрабатывающих отраслей в нашем экспорте. Конечно, при условии, что российские власти отреагируют адекватно. Потребуется изменить экономико-политический стиль работы: переходить от приятного обсуждения вопросов о том, какие новые расходные программы надо принять, к вопросу о том, как эффективнее расходовать бюджетные деньги.

Мы выйдем из этого кризиса с другой финансовой структурой в мире. Она не будет той же, которая была до кризиса. Какой она будет, трудно прогнозировать, потому что кризис – на то он и кризис, что радикально меняет ситуацию.

Введение конвертируемости юаня как валюты, конвертируемой по капитальным операциям, существенно изменит мировую финансовую систему. Другой вопрос пойдут ли на это власти Китая.

Мировая финансовая система на протяжении 20 века неоднократно и радикально менялась. Это только кажется, что она всегда была стабильной и неизменной. Нет, она была одной до Великой Депрессии, другой – после нее и после Бреттон-Вудских соглашений. Еще раз другой после отказа от конвертируемости доллара в золото по операциям Центробанков в 1971 году. Наконец, после того, как крупнейшие мировые экономики перешли к системе свободных капитальных операций, не имея опоры в виде золотовалютного стандарта.

То, что происходит сегодня это не первое изменение мировой финансовой системы на протяжении последнего столетия.

Протяженность кризиса определить трудно. Вероятно, что его пик в мире пока не пройден. То, что мы были к нему готовы, хорошо. То, что мы позволяли себе некоторые экономические ошибки прямо накануне кризиса, такие как резкое увеличение бюджетных расходов в реальном исчислении, неприятно. За это мы сейчас платим высоким уровнем инфляции. Но думаю, мы справимся.